

искусстве, поэзии и общественной позиции художника. Фрост передал премьеру приветствия от президента и выразил признательность организаторам своего визита.

После этого начался серьезный разговор. Хрущев спросил Фроста, нет ли какого-то особого вопроса, который он хотел бы обсудить, и Фрост заговорил о проблеме, уже давно вызывавшей у него большую озабоченность, проблеме взаимопонимания между Востоком и Западом.

Он не стал в угоду некоторым своим друзьям-республиканцам критиковать идею мирного сосуществования. Он сразу недвусмысленно дал понять, что относится к советской власти как к данности, что — нравится это кому-то или нет — социализм неизбежен и что он восхищается отвагой, с которой премьер Хрущев использует власть. Он не ставил под сомнение идею мирного сосуществования, хотя сам никогда не пользовался этим словом, предпочитая говорить о “соперничестве”. Но он придавал большое значение моральным качествам руководителей обеих стран и, соответственно, беспокоился о долговечности их достижений. Еще до своей поездки в Россию он полагал, что вклад политических деятелей в историю определяется их нравственностью. Он всерьез думал, что итоги президентских выборов 1960 года свидетельствуют о начале эпохи расцвета искусств. Энергия века, как ему казалось, сулила блестящее будущее.

Лучшее, полагал он, что может даровать нации государственная власть — это яркая личность. Отсюда вытекает роль поэта в государственной власти. Он повторил Хрущеву свою излюбленную мысль: великая нация создает великую поэзию, и великая поэзия создает великую нацию. Подразумевая именно такое политическое и интеллектуальное величие, он на следующий день заявил корреспондентам, что